

ПОДАРОК АНГЕЛА

Олег Рой

Manga
gata
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Рой, О.

Р65 Подарок ангела / Олег Рой. — М. : Мангата, 2025. — 336 с.

ISBN 978-5-6054635-3-5

В канун Нового года по украшенной гирляндами Москве бродит юноша, которого никто не замечает. Апрель — ангел, уже много лет блуждающий по Земле в поисках своего человека.

Настя — молодая девушка, которую из года в год преследуют неприятности. Она давно перестала верить в чудо и надеяться на лучшую жизнь.

Но в тот вечер их пути пересекаются — случайно, как кажется на первый взгляд.

Апрель чувствует: эта девушка — та, кого он искал все это время. Но чем ближе они становятся, тем сильнее рушатся границы между Небом и Землей, между долгом ангела и чувствами человека.

Пока в небесной канцелярии решают судьбы душ и готовят новых хранителей, Апрель пытается спасти Настю — от отчаяния, одиночества и самой себя. Ради нее он готов нарушить все правила, даже если придется пожертвовать собой.

«Подарок ангела» — история о чуде, о вере и о любви, ради которой стоит рискнуть всем.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Рой, текст, 2025
© Издание на русском языке, оформление
издательство «Мангата», ООО «Норгис-
пресс», 2025

ISBN 978-5-6054635-3-5

Моему сыну Женечке посвящается.

ГЛАВА 1,

из которой можно узнать кое-какие подробности из жизни ангелов-хранителей на Земле

Если бы в тот синий, морозный, истинно предновогодний вечер кто-нибудь увидел молодого человека, неторопливо шагавшего по Ильинке, то счел бы, что он ничем не отличается от остальных прохожих. Ну разве что очень внимательный глаз мог бы обнаружить (и то пристально взглядевшись) одну небольшую странность.

В тот день, как, собственно, и должно быть в рождественские каникулы, выдался сильный снегопад. В густом сумраке над городом медленно и плавно кружились крупные белые хлопья, мягко ложились на обледенелые тротуары, застилали стекла автомобилей с усиленно работающими «дворниками», щедро осыпали одежду спешащих по своим предпраздничным делам прохожих. Но ни на длинном черном пальто молодого человека, ни на непокрытой голове не осело ни единой, даже самой маленькой снежинки. А во всем остальном — юноша как юноша. На вид лет двадцати трех, максимум двадцати пяти. Не очень высокий, но стройный. Длинные светлые волосы закрывали поднятый воротник и то и дело падали на лицо, из-за чего ему приходилось отбрасывать их назад характерным движением головы. Одет он был со вку-

сом и, пожалуй, даже с некоторым шиком: под распахнутым пальто черная водолазка и темные стильные джинсы, на ногах черные сапоги с заостренными носами. На одной руке молодого человека была кожаная перчатка, другую перчатку он то ли снял, то ли забыл надеть, во всяком случае, так и держал в той же руке. Через левое плечо был перекинут ремешок небольшой коричневой сумки, висевшей у него на правом боку и имевшей несколько непривычную для подобных вещей форму — удлиненную, широкую вверху и слегка сужающуюся книзу, но, главное, не плоскую, как вышедшие из моды барсетки, а объемную, словно предназначенную для того, чтобы носить с собой одновременно полдюжины книг в мягкой обложке. Узкий ремешок украшала бляшка в виде чуть приплюснутой восьмерки — символа бесконечности.

Молодой человек шел не торопясь, вертел головой по сторонам и с восхищением разглядывал праздничную зимнюю Москву. Ему нравилось все: и снегопад, и яркая подсветка улиц, и улыбающиеся румяные Деда Морозы и Снегурочки на рекламных плакатах, и украшенные мишурой и гирляндами разноцветных лампочек лотки с фейерверками и подарками, и, конечно же, елки, множество елок всех видов и размеров, встречавшиеся чуть ли не на каждом шагу, — от огромных пушистых елей из пластика, возвышающихся на площадях, до совсем крошечных, разноцветных, серебристых или золотых елочек в ярко освещенных витринах магазинов и окнах кафе и ресторанов. Но все-таки больше всего юношу интересовали люди. Ловя долетавшие до него обрывки разговоров, он вглядывался в лица прохожих и с удовольствием замечал на них в основном радостное выражение: праздничное веселье, предвкушение долгих каникул, приятные предновогодние хлопоты.

В последний вечер накануне Нового года в центре столицы было особенно оживленно. На парковках магазинов

и ресторанов то и дело останавливались автомобили, из них выходили respectable вида мужчины и выпархивали яркие и беззаботные, как бабочки, женщины, одетые так нарядно и легко, словно на дворе был май. Прячась от снегопада, они спешили как можно скорее попасть внутрь и торопливо проскальзывали в гостеприимно распахивающиеся перед ними стеклянные двери.

Вместе с потоком прохожих молодой человек миновал Хрустальный переулок и вскоре оказался около красивейшего старинного здания одного из самых знаменитых торговых домов России. Ярко светившиеся в морозном вечернем сумраке витрины ГУМа так и манили зайти внутрь, окунуться в тепло, уют и праздничную суету рождественского шопинга.

Ярмарка встретила его обилием аттракционов. Из зеленых ветвей, ощерившихся хвойными иголками, на гостя смотрели медведи, зайцы и обязательные для Нового года олени. Киоски с блинами и пирожками манили прохожих теплыми запахами. Молодой человек остановился около одной из красочно оформленных витрин, заглядевшись на небольшую искусственную елку, изысканно украшенную одинаковыми, бордовыми с золотом, шарами.

— А-а-а, зацени, какая прелесть! — прозвучал откуда-то сбоку от него звонкий девичий голосок.

Он оглянулся. Две юные девушки, обе в похожих куртках, только одна — в белой, а другая — в темно-зеленой, тоже рассматривали киоск с сувенирами и любовались венчавшей елку маленькой фигуркой ангела.

— Глянь, какое у него личико, какие крылышки — обалдеть! Умираю, хочу такого же ангелочка! Обожаю ангелочков! Как думаешь, они продаются? — щебетала та, что в светлой куртке, она была повыше ростом.

— Понятия не имею! Пойдем посмотрим... Но вообще, не забывай, мы тебе за «ушами» пришли, — отвечала ее невысокая спутница. — А то я тебя знаю! Как начнешь залипать, хочу то, да хочу это, — так и забудешь обо всем на свете.

Девушки миновали каток, прошли до главного входа в ГУМ, шагнули через металлоискатель, а затем нырнули в вертящуюся дверь. Молодой человек следовал за ними. Он обогнал подружек и, обернувшись, заглянул им в лицо — сначала одной, потом другой, — но они не обратили на это поведение никакого внимания. Их уже околдовал волшебный мир яркого света, праздничной суматохи, сочных красок и изысканных ароматов.

Юноша неторопливо двинулся вдоль по линии, иногда замедля шаг и оглядываясь вокруг. Но его внимание привлекали не названия фирм и марок, не по-новогоднему украшенные витрины салонов и бутиков, и не ассортимент товаров. Он смотрел только на людей. Задумчивые карие глаза медленно и привычно скользили по лицам многочисленных оживленных покупателей. Продавцов в форменной одежде, ухитряющихся сохранять вежливость и внимательность, несмотря на усталость. Или строгих, коротко стриженных охранников, которые, расправив плечи и сложив руки за спиной, бдительно обзревали вверенное им пространство. Взгляд юноши останавливался на каждом новом лице, напряженно сосредоточивался на некоторое время и, словно разочаровавшись, следовал дальше в поисках очередного лица. И хотя поведение молодого человека можно было бы счесть несколько странным и даже, пожалуй, невежливым, тем не менее оно ни у кого не вызывало недовольства. Никто не настораживался, неприязненно не отворачивался, не бросал в ответ недоуменного или подозрительного взгляда. Даже постоянно находящимся начеку охранникам, казалось, не было никакого дела до того, что их так пристально рассматривают.

Только однажды безмолвный призыв юноши не остался незамеченным. Навстречу ему вскинулись другие глаза, ярко-голубые и чистые, точно апрельское небо в солнечный день. Такой взгляд бывает только у маленьких детей — взор, еще не замутненный печалью, заботами и мыслями, которые надо скрывать от других. Взгляд человека, привыкшего радоваться миру.

Впрочем, в тот момент обладатель небесно-голубых глаз совсем не радовался. Наоборот, его румяное пухлощекое личико было печально, носик забавно наморщен, а губки надуты. Ясно было, что еще минута — и сидящий в прогулочной коляске малыш зайдет в отчаянном реве.

Догадаться о причине его переживаний было несложно — на мраморном полу рядом с коляской валялся забавный гластастый лягушонок, очевидно, только что выпавший из рук малыша. Ребенок тянулся к своей игрушке, но никак не мог ее достать, а его молодая рыжеволосая мама в изящной белоснежной шубке, красиво облежавшей ее стройную фигурку, не замечала этого. Стоя у витрины с косметикой, праздничная распродажа которой бойко шла в киоске посреди ярмарки, она выбирала помаду, проводила пробниками на кисти руки и была так увлечена своим занятием, что не замечала ничего вокруг.

Молодой человек подошел к малышу, присел на корточки и потрепал его по выбившимся из-под съехавшей набок шапочки волосам.

— Совсем тебя бросили, да? Не грусти, сейчас я помогу твоему горю.

Поднявшись, он сделал шаг к молодой женщине, встал у нее за спиной, положил ей руку на плечо и что-то негромко сказал на ухо. Но, как ни удивительно, мама малыша совсем не оскорбилась такой фамильярности, словно ее и не замети-

ла. Во всяком случае, она возмущенно не вскрикнула и ничего не сказала молодому человеку, даже не посмотрела на него, а лишь слегка вздрогнула, быстро взглянула на своего ребенка и вернула помаду продавцу.

— Нет, благодарю вас, эта тоже не подходит!

Наклонилась к коляске, она подняла игрушку, отдала ее малышу, поправила ему шапочку и нежно погладила сына по голове.

— Ну вот твой Квакуша и вернулся! А ты, бедный, совсем загрустил, пока я тут помадку выбирала... Знаешь что, пойдем-ка мы с тобой лучше посмотрим елочные игрушки!

Малыш весь засветился от радости и поглядел через ее плечо на молодого человека. Тот улыбнулся, помахал ему рукой, ребенок в ответ тоже замахал ладошкой. Молодая мама обернулась, проследив направление взгляда сынишки, посмотрела в ту сторону, где стоял молодой человек, и перевела удивленные глаза на малыша.

— Проща, а кому это ты машешь? Там же никого нет!

Ребенок только улыбнулся — он был еще слишком мал, чтобы ей ответить.

Женщина взялась за ручку коляски и покатила ее в центр линии — туда, где между колоннами красовалась нарядная елка, а вокруг продавались новогодние украшения. Другой рукой она держала смартфон, через который, похоже, сверялась с картой. Молодой человек направился следом за ними, но не стал останавливаться у витрин и стендов, а двинулся дальше.

До закрытия магазина оставалось чуть меньше двух часов, но покупатели продолжали прибывать. Казалось, их становится все больше с каждой минутой. Рядом с лестницами образовалась уже настоящая толпа, люди сновали туда-сюда, проходили иногда очень близко к юноше, почти задевая его, но

почему-то никому и в голову не пришло обойти его или по сторониться. Навстречу ему шли давнишние подружки, спорящие, будет ли в следующем сезоне опять моден розовый цвет. Та, что повыше, утверждала, что будет, потому что об этом пишут все модные паблики; другая горячо возражала, что «розовый — это полный отстой», и сделала в подтверждение своих слов столь энергичный жест, что чуть не заехала молодому человеку по лицу, но не извинилась и даже не придала этому никакого значения, точно не увидела его. Впрочем, все эти досадные недоразумения, казалось, совершенно его не смущали.

Молодой человек прошел всю линию до конца и вышел с другой стороны магазина, на Никольскую улицу. Свернул налево, обогнул угол Казанского собора, бросил взгляд на главные часы страны — куранты на Спасской башне, которым чуть больше чем через сутки предстояло в очередной раз оповестить Россию о наступлении Нового года — и вскоре оказался у входа в Исторический музей. В это время года, когда остроконечные шатры башен и башенок, кирпичное кружево, украшающее окна и стены, были припорошены пушистым снегом, здание, освещенное со всех сторон яркими огнями, выглядело особенно красиво.

Музей был давно закрыт, но молодого человека это не остановило. Он вошел внутрь и, миновав вестибюль, стал подниматься по лестнице, с этажа на этаж, следуя на самый верх, туда, где уже заканчивалась экспозиция и начинались служебные помещения. На пути ему иногда попадались работники музея (в основном охрана), и юноша почти машинально продолжал их рассматривать, но и тут, как ни странно, никто на это не реагировал. Никто не только не остановил вежливым «Вы кого-нибудь ищете?» или решительным «Извините, посторонним сюда нельзя!», но даже не удостоил его ответным взглядом.

В конце концов молодой человек достиг цели своего пути. Он оказался на самом верху одной из башен, правой, если смотреть от Красной площади. И здесь его взору предстала удивительная картина.

Просторное круглое помещение, внутри намного более обширное, чем это можно было бы предположить, глядя с улицы, битком набито людьми, и при этом людьми настолько разными, до такой степени непохожими друг на друга, что на первый взгляд просто фантазии не хватало объяснить, какая такая загадочная надобность вдруг свела их здесь вместе.

Тут были мужчины и женщины самой разной внешности, возраста и комплекции. Юные и пожилые, высокие и низкие, худощавые и плотно сбитые, длинноволосые и коротко стриженные, блондины, брюнеты, шатены, рыжие и лысые, с европейскими, азиатскими и негроидными чертами. Одежда на них поражала разнообразием стилей, сезонов и эпох: элегантные дорогие наряды престижных марок соседствовали с линялыми лохмотьями; всепогодные джинсы и кроссовки — с яркими индийскими сари, полосатыми узбекскими халатами и даже набедренными повязками; легкомысленные пляжные шорты — со строгими деловыми костюмами; шубы, меховые шапки и унты — с легкими и яркими летними сарафанами, а ультрамодные модели из последних коллекций — с винтажной одеждой в стиле семидесятых, пятидесятых и даже двадцатых годов минувшего столетия. Казалось, какая-то огромная киностудия объявила кастинг на несколько фильмов сразу, и актеры, уже одетые и загримированные каждый для своей картины, в ожидании томятся в очереди.

Разношерстная толпа действительно напоминала очередь. Кто-то сидел на кожаных диванах, кто-то прислонился к стене, кто-то стоял посередине комнаты, кто-то устроился прямо на сверкающем паркете, и все явно чего-то ожидали.

Вели себя они тоже по-разному: одни молча смотрели в окно или даже просто в пол, другие читали, некоторые беседовали вполголоса, кто-то громко спорил или нервно расхаживал по комнате. Но при всей несхожести ожидающих существовала одна деталь, объединяющая все это непонятное сборище, — у каждого из присутствующих через левое плечо был перекинут ремешок такой же небольшой сумки из коричневой кожи с бляшкой-восьмеркой, как та, что висела на боку у только что пришедшего молодого человека.

Юноша медленно двинулся вдоль очереди, краем уха улавливая обрывки разговоров:

— ...целый месяц искал, хватит уже...

— ...как думаешь, дадут?..

— ...тогда я поняла, что надо идти сюда...

— ...ну конечно, *они* ее тут же сделали «Мисс Самара» и девушкой года...

Посередине коридора на полу, далеко вытянув длинные ноги, сидела бледная женщина в джинсах и свободном сером свитере, с собранными в хвост темными волосами.

— Извините, — сказал юноша и попытался ее обойти.

Женщина согнула ноги в коленях, пропуская его, и поглядела с такой болью, с таким отчаянием, что у молодого человека сжалось сердце. Он шагнул было к ней, хотел заговорить, но она отвернулась и стала смотреть в окно, за которым в яркой подсветке были видны падающие снежинки.

Молодой человек двинулся дальше, но тут его кто-то окликнул:

— И ты здесь, Апрель? Неужели так до сих пор и не нашел?

Он обернулся. На обитом светло-коричневой кожей диване сидела, прислонившись к подлокотнику, очень красивая белокурая девушка, одетая так, будто сошла с баннера гламурного сайта.

Юноша покачал головой:

— Нет. Так и не нашел. Но ты? Ты-то что здесь делаешь, Гортензия? Насколько я помню, твой подопечный — один из самых удачливых и благополучных молодых людей в своей стране?

— Был, — невесело ответила девушка, закидывая одну ногу на другую. — То есть удачливым и благополучным он остается до сих пор... Ему все дано от рождения и всегда так везло, что мне иногда казалось — я ему вообще не нужна. У него и без меня все хорошо...

Сидевший рядом с девушкой на диване невысокий худенький человек неопределенного возраста, узкоглазый и темноволосый, похожий на китайца, покачал головой:

— Чего только не бывает! До того человеку хорошо, что уже и ангел-хранитель не нужен...

— Лучше так, чем наоборот, — включился в разговор стоявший у стены пожилой мужчина, подтянутый, с коротким ежиком седых волос, в костюме военного покроя. — Я-то своему стал не нужен совсем по другой причине... — И он тяжело вздохнул.

— Так что же случилось с твоим подопечным? — спросил тот, кого назвали Априелем, у своей собеседницы.

Девушка по имени Гортензия тоже вздохнула.

— Он совершил поступок, после которого его душа уже больше не принадлежит светлым силам... Извини, мне трудно об этом говорить, — на ее глаза навернулись слезы.

— Конечно, я понимаю. — Юноша нежно пожал ее руку чуть ниже локтя. — Представляю, как тебе больно, как тяжело...

— Да уж... — кивнул коротко стриженной головой мужчина. — Я в последнее время часто думаю: как это все-таки замечательно, что у нас, у ангелов, нет души! Нечему болеть за наших подопечных. Да и за других людей тоже...

— Не переживай, Гортензия. — Юноша изо всех сил старался утешить свою знакомую. — Это его выбор. Твой подопечный, как и любой человек, вправе сам выбирать себе дорогу... А у тебя еще все будет хорошо. Ты вернешься домой, на Небо. Там у нас, ангелов, тоже много важных и нужных дел...

В это время пробили часы на Спасской башне, и Апрель заторопился.

— Мы еще обязательно увидимся! — пообещал он Гортензии и прошел дальше, в глубину просторного помещения.

Там, у крутой старинной лестницы из белого камня, стоял элегантный офисный стол с двумя ноутбуками. «Секретарь» — значилось на табличке. И та, что сидела за столом, действительно выглядела эталоном секретаря. Не в современном понимании этого слова, когда неизменными признаками данной профессии считаются ноги от ушей, длина юбки, равная высоте каблука, французский маникюр и низкий, с придыханием, голос. Дама за столом была совсем не такой. Не эталон красоты и уже в годах, но тем не менее выглядела она «на все сто» — элегантный деловой костюм, безукоризненная прическа, великолепный макияж и виртуозное умение мгновенно подобрать нужный в конкретный момент стиль поведения. Такая может быть и строгой, и доброй, и холодной, и заботливой; может и достойно принять коронованную особу по всем правилам придворного этикета, и так резко осадить наглеца, что тому мало не покажется. Секретарь за столом успевала одновременно следить за порядком в очереди, вовремя приглашать к своему начальнику новых посетителей, отвечать на звонки в мессенджерах, печатать что-то на ноуте и читать лежащий рядом с клавиатурой любовный роман, на обложке которого слились в страстном объятии знойный брюнет и сильно декольтированная блондинка с пышными формами. Увидев юношу, Секретарь приветливо улыбнулась:

— А, это ты, Апрель! Ну и что, есть какие-то новости?

— Никаких, — грустно отвечал тот.

— Ну ничего, не отчаивайся...

— Шеф-то у себя?

— Ну а где же ему быть? — отвечала Секретарь иронично. — Ты же знаешь: чтобы Стиратель покинул кабинет в рабочее время, должно произойти что-то из ряда вон выходящее. Для этого трудоголика ничего не существует, кроме работы, он вообще не замечает ничего вокруг. — И она вздохнула.

— Можно я загляну к нему ненадолго? — поинтересовался Апрель.

— Да, конечно, заходи, — приветливо кивнула Секретарь.

Словно подтверждая ее слова, на старомодном селекторе замигала лампочка и тихонько загудел зуммер, сообщая, что шеф освободился. Апрель сделал шаг к лестнице, но был внезапно остановлен парнем в ярко-красном пиджаке, сплошь утыканном огромными желтыми пуговицами, с густой бородой, тоненьких очках и выкрашенным в зеленый цвет вертикальным пучком волос на голове:

— Эй, коллега, встань в очередь. Пожалуйста.

Апрель улыбнулся:

— Так я не... Не по работе. Я по личному делу.

— По личному? — удивился парень. — Какие могут быть еще личные дела со Стирателем? А что, по личному можно без очереди? — Этот вопрос был задан уже не юноше, а женщине за столом.

— Без очереди, без очереди, — подтвердила Секретарь.

— Вот же беспредел! — несколько картинно всплеснул руками зеленоволосый бородач. — Я тут уже столько времени торчу — а он по личному и без очереди. Не покатит! После меня пойдешь, вот что.